

Александръ Амфитеатровъ

(Old Gentleman).

ОБОРВАННЫЯ СТРУНЫ.

Москва.

Типо-лит. ВЫСОЧАЙШЕ утверж. "Русск. Т-ва печ. и издател. дела".
МОСКВА, Чистые Пруды

1895.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Сонъ и Явь. Очерки и легенды. Ц. 1 р. Психопаты. Разказы. Ц. 1 р.
Разбойникъ Оедька (Сыщикъ). Разказъ для народа. Изд. „Посредника“. Ц. 5 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Въ странѣ любви. Повѣсть.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Old Gentleman. Болгарскія Встрѣчи. Большой томъ
Книга порока. Очерки столичной жизни. Большой томъ.
Грѣзы и Тѣни. Книга легендъ.

Отъ автора

Изъ разказовъ, соединенныхъ въ этой книжкѣ девять были помѣщены въ фельетонахъ газеты „Новое Время“ за 1892—1894 годы; остальные — въ другихъ ежедневныхъ изданіяхъ. Для настоящаго собранія я пересмотрѣлъ ихъ заново, многое исправилъ и дополнилъ.

Александръ Амфитеатровъ.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛО КОНЦА.....	4
УМНИЦА. МЕЖДУНАРОДНАЯ ИСТОРИЯ.....	11
РЕБЕНОКЪ.....	26
ОБОРВАННЫЯ СТРУНЫ.....	35
ВЪ ОМУТЪ	44
ДОМАШНІЯ НОВОСТИ.....	50
ТАТЬ ВЪ НОЧИ (ДАВНІЙ СЛУЧАЙ).....	64
ХИМКИНА ЕЛКА.....	72
НА ЗАРЪ	77
ХИЩНИКИ НА СЛЕТЕ (ГЛАВА ИЗЪ РОМАНА).....	81
ЕЛЕНА ОКРУТОВА.....	86
ДУЭТЬ (ИЗЪ АЛЬФОНСА КАРРА).....	92

НАЧАЛО КОНЦА

Дѣло было въ Петербургѣ. У извѣстнаго беллетриста Зыкова обедали гости — люди печати, артисты и учащаяся молодежь. Зыковъ въ то время былъ на верху своей славы: онъ только что выпустилъ въ свѣтъ свой лучшій рассказъ — "Чайная роза", странное произведеніе, гдѣ крайности натурализма причудливо сочетались съ очаровательно красивыми порывами незнающей себя удержу, не стесняющей себя никакими условіями фантазіи. Послѣ "Чайной розы" Зыковъ на нѣкоторое время сталъ какъ-бы главаремъ молодой русской литературы; критика видѣла въ немъ чуть-ли не наслѣдника незадолго передъ тѣмъ умершему Тургеневу; издатели за нимъ ухаживали, журналы делали ему выгодные заказы. Зыковъ надавалъ обѣщаній сотрудничества чуть-ли не всѣмъ столичнымъ редакціямъ, имѣющимъ за собой репутацію порядочности. Но, написавъ для двухъ-трехъ журналовъ вещицы маленькія, совершенно безсодержательныя, недостойныя автора не только „Чайной розы", но и первыхъ его юношескихъ произведеній, Зыковъ послалъ остальнымъ своимъ заказчикамъ прямой отказъ отъ даннаго слова, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, будто слишкомъ занятъ работой надъ новымъ большимъ трудомъ — историческимъ романомъ. Зыковъ былъ далеко не богатъ. Мы, его гости, знали, что романъ, имъ затѣянный, не заказанъ ему, а пишется на рискъ и, следовательно, будетъ запроданъ не „на корню", какъ продавались легкія его вещицы, а Богъ вѣсть когда, кому и за сколько. Вотъ почему нѣкоторые находили отказъ Зыкова отъ привычнаго, легкаго и хлѣбнаго заработка совсѣмъ нерезоннымъ. „Ну, надумалъ писать романъ,— и отлично: пиши, сколько хочешь — хоть десять лѣтъ, благо взялъ историческую тему и, слѣдовательно, не бьешь на животрепещущую современность. Но что мѣшаетъ тебѣ, между дѣломъ, создавать, безъ всякаго ущерба для новаго произведѣнія, прелестныя и доходныя безделушки въ своемъ прежнемъ, популярномъ жанрѣ? Что за охота приговаривать себя на неопределенное время къ стѣснительной жизни въ кредитъ?"

Зыковъ выслушивалъ эти доводы молча, только въ глазахъ его таилось нѣчто не то досадливое, не то безразличное, и чѣмъ дальше тянулся разговоръ, тѣмъ это нѣчто становилось ярче и опредѣленнѣе.

Вскорѣ послѣ обѣда гости разошлись. Собрался уходить и я, но Зыковъ удержалъ меня:

— Если вы свободны, N., и никуда не спѣшите, пожалуйста, останьтесь и помогите мнѣ убить вечеръ... Работать сегодня я уже не буду... Поговоримъ.

Мы остались вдвоемъ. Зыковъ долго сидѣлъ въ молчаливомъ раздумьѣ, постукивая пальцами по столу, потомъ усмехнулся, поднялъ голову и заговорилъ:

— Вы не повѣрите, N., какъ бѣсятъ меня такіе разговоры... съ увѣщаніями и наставленіями. Мои друзья съ наивнѣйшимъ деспотизмомъ берутъ на себя право вразумлять меня не то какъ блаженнаго, не то какъ пятилѣтняго ребенка. Мнѣ проповѣдуютъ азбучныя истины... Чортъ знаетъ, до чего это смѣшно и пошло. Должно быть, я безбрежно глупъ, по ихъ мнѣнію, если они считаютъ необходимымъ мучить меня своимъ псевдо-практическимъ дешевымъ пустословіемъ. Помилуйте! критикъ Чистовъ, — къ слову сказать, въ своихъ рецензіяхъ преклоняющійся предъ "глубиною моего взгляда на жизнь, тонкостью пониманія ея обыденныхъ явленій" и прочая, и прочая, — сегодня ровно полчаса переважно развивалъ, въ поучеше мнѣ, необыкновенно новую и глубокую мысль:

кто хочет жить — долженъ ѣсть, кто хочетъ ѣсть — долженъ работать. Какъ будто я не хочу работать! какъ будто я лѣнтяй!

— Однако, сознайтесь, Зыковъ, — замѣтилъ я, — вы пишете много меньше, чѣмъ могли бы...

Лицо Зыкова потемнѣло

— Отъ васъ, N., человѣка, меня любящаго и знающаго, я не ожидалъ такого упрека, — возразилъ онъ глухимъ голосомъ. Вамъ слѣдовало бы понять, на сколько не въ натурѣ моей литературная лѣность. Мыслимо-ли лѣнтяйничать въ дѣлѣ, когда имъ только и живешь, и дышешь? Я писатель не по необходимости или случаю, — не поденщикъ, не рабочій и не авантюристъ прессы: я сынъ литературы, плоть отъ плоти и кость отъ кости ея. Я не служу, не имѣю семьи потому лишь, что взваливать на свои плечи серьезные, требующія строгаго отношенія къ себѣ обязанности, — мнѣ кажется несомѣстнымъ съ свободнымъ служеніемъ своему призванію. Оно, — само по себѣ, слишкомъ важная обязанность и слишкомъ много отъ носителя своего требуетъ. Внѣ литературы, я рыба на пескѣ: тупъ, несчастенъ, нелѣп... Я даже говорю скверно: въ рѣчи меня какъ будто покидаетъ и моя эрудиція, и мое аналитическое дарованіе. Заставьте меня рассказать вамъ что нибудь, — право, я спасую передъ любой провинціальной салонницей по части наблюдательности и передъ любымъ юнкеромъ по части остроумія. Я человѣкъ пера и бумаги. Мнѣ даже не необходима аудиторія, внимающая моимъ глаголамъ, не нуженъ благоговѣющій и почтительный "читатель". Сколько моихъ произведеній забраковано критикой за то, что они „не для публики": не носятъ на себѣ отпечатка среды и времени, а явились въ свѣтъ, какъ продуктъ моей личной, порядкомъ таки, надо правду сказать, эксцентрической духовной жизни. Наконецъ, у меня въ бюро есть рукописи, — клянусь вамъ, — удачныя; однако я не смѣю, не хочу публиковать ихъ, хотя убилъ на нихъ массу времени и умственнаго напряженія, хотя могъ бы стяжать за нихъ порядочный денежный кушъ и нѣкоторый триумфъ. Видите, даже слава—эта „яркая заплатка на ветхомъ рубищѣ пѣвца" — меня мало занимаетъ. Мысль, только мысль и ея передача словомъ — вотъ въ чемъ все мое „я". А вы рѣшаетесь упрекать меня въ лѣности!

Зыковъ всталъ и прошелся по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы и сердито качая головой.

— Вы, въ числѣ нѣкоторыхъ, не отказываете мнѣ въ имени *художника*. Не знаю, имѣю-ли я на него право, но допустимъ на время, что да. У насъ принято говорить: художникъ работаетъ не когда хочетъ, а когда можетъ, т. е. когда на него найдетъ вдохновеніе. Вдохновеніе — вздоръ; истинный художникъ всегда носитъ уголекъ таланта въ душѣ, и отъ него самого зависитъ, чтобы уголекъ, по востребованію, загорѣлся яркимъ пламенемъ. Да и всю эту ходячую фразу о художественномъ творествѣ, по моему, надо вывернуть на изнанку, обратить ее въ отрицательное, но болѣе точное опредѣленіе: художника, если не работаетъ, значитъ —не можетъ работать; хотеть же онъ всегда хочетъ какъ другіе хотять ѣсть, пить, любить женщинъ. Лежебоковъ-художниковъ нѣтъ; тѣ, кого считаютъ такими, какъ бы высоки таланты ихъ не были, все-таки только счастливо одаренные природою дилетанты, — знакомые, друзья, но не свои, не кровные родные искусству. Творчество для нашего брата не игрушка, не видъ удовольствія особаго рода, а потребность, вѣчно вопіющая къ своему обладателю о немедленномъ удовлетвореніи ея. И что это за мерзость, когда долженъ отвечать на зовъ ея отказомъ... вотъ, какъ я теперь, напримѣр.